

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ**Владимир Алексеевич ШАБАШЕВ^{a,*}, Сергей Иванович ШОРОХОВ^b, Марина Фёдоровна ВЕРХОЗИНА^c, Анна Николаевна ЧЕЛОМБИТКО^d**^a доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация
bash_kemsu@mail.ru^b кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Российская Федерация
shsi@yandex.ru^c кандидат географических наук, доцент кафедры географии, геологии и методики преподавания географии, Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Российская Федерация
verkhosina@gmail.com^d старший преподаватель кафедры менеджмента, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация
achelombitko@inbox.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 01.06.2016

Принята в доработанном виде
20.06.2016

Одобрена 06.07.2016

Доступна онлайн 15.02.2017

УДК 314.7; 331.55

JEL: C51, F22, J11, J61

Аннотация**Предмет.** Российские региональные показатели миграционного обмена, с одной стороны, обусловлены экономической специализацией и социальной политикой, с другой – сами непосредственно влияют на макроэкономические показатели и социально-демографическую ситуацию. Предметом данного исследования является зависимость миграционного сальдо от ряда экономических, социальных и демографических параметров регионов.**Тема.** Влияние отдельных экономических, социальных и демографических факторов региона на миграционный прирост населения.**Цели.** Определение силы влияния социально-экономических и демографических параметров регионов на коэффициенты миграционного прироста населения.**Методология.** Для достижения поставленной цели исследования использованы методы корреляционного и регрессионного анализа. На первом этапе отобраны потенциальные предикторы. На втором этапе произведен регрессионный анализ на основе панельных данных по 83-м субъектам РФ за период 2010–2014 гг. Оценивание проведено по четырем моделям: модели объединенной регрессии; модели отклонений от средних по времени значений переменных; модели регрессии с детерминированными эффектами и модели регрессии со случайными эффектами. Выбор лучшей из перечисленных моделей сделан по результатам тестов Вальда, Бройша-Пагана и Хаусмана.**Результаты.** Построено линейное регрессионное уравнение, отражающее влияние восьми социально-экономических и демографических факторов на коэффициент миграционного прироста региона. Полученные результаты количественно определяют влияние на коэффициенты миграционного прироста регионов ряда социально-экономических и демографических показателей. Это может быть использовано региональными властями при разработке мер социально-экономической и демографической политики. Полученная модель может быть дополнена в последующих исследованиях иными экономическими, социальными и демографическими переменными.**Выводы.** Экономические, социальные и демографические факторы оказывают воздействие на миграционную привлекательность регионов. Возможным фактором, ограничивающим миграционную активность в последние годы, является недостаточная степень развития финансовых рынков и рынка жилья. Причины межрегиональных миграций, прежде носившие преимущественно трудовой характер, в последние годы более связаны с переселением в благоприятные места долгосрочного проживания.**Ключевые слова:** миграция, социально-экономические и демографические параметры

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Взаимосвязь экономических, социальных и демографических факторов рассматривается во множестве исследований, изучающих различные стороны этих взаимосвязей. При написании данной статьи мы в известной степени опирались на исследования А.Г. Вишневого,

Г.П. Киселевой, Л.Л. Рыбаковского, И. Смирновой, Т.Л. Смирновой, В.Л. Чечулина и В.И. Смыслова, В.В. Каюкова и Ю.Л. Мельчаковой [1–7]. На тему влияния миграции на социально-экономическое развитие существует большое количество теоретических и конкретно-практических работ

различных авторов. Среди подобных исследований – работы И.П. Цапенко, Л.Г. Вострецово́й и Е.А. Гнездилова, В.М. Моисе́енко, Н.А. Романовой, Е.С. Ковановой, а также А.Г. Коровкина, И.Н. Долговой и Е.А. Единак [8–13].

По определению С.В. Рязанцева и М.Ф. Ткаченко [14], миграция в широком значении – это «территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности», миграция в узком значении – «законченный вид территориального перемещения, то есть переселение». Как внутренние, так и внешние миграции оказывают существенное влияние на социально-экономические процессы и параметры страны и отдельных территорий. Если говорить о внешней трудовой миграции в Россию, то вопрос о ее необходимости и целесообразности является темой острых дискуссий. Имеются как сторонники, так и явные противники развития этого процесса. Другой острой темой, относящейся к внешним миграциям, является тема миграционного оттока из России квалифицированной рабочей силы.

В процессы международной миграции страна включилась с середины 1980-х годов, а постсоветская Россия стала крупнейшим экспортером рабочей силы. Согласно данным национальной статистики, ежегодно только по контрактам за рубеж выезжают до 50 тысяч россиян. По данным зарубежной статистики, потоки миграции в разы больше. Демографические тенденции стали причиной дискуссий о необходимости и целях трудовой иммиграции, а также о содержании миграционной политики на федеральном и региональном уровнях. Например, В. Переведенцев считает привлечение большого числа иммигрантов (около 1 млн чел. ежегодно) единственным выходом для России, нуждающейся в восстановлении численности и обеспечении прироста населения¹. А. Кашепов, наоборот, считает присутствие иммигрантов для этого необязательным – России достаточно, во-первых, снизить смертность «до уровня хотя бы 1989–1990 года», что дополнительно обеспечит не менее 300 тыс. человек трудовых ресурсов ежегодно, во-вторых, повысить производительность труда, и в-третьих, снизить уровень безработицы, в том числе за счет привлечения к работе экономически неактивного

населения². С. Дудников не против привлечения иммигрантов, но за соблюдение приоритета распределения рабочих мест: сначала на них должны претендовать местные жители, затем – жители других регионов России, и только затем – иностранцы³.

В настоящее время сторонников широкой трудовой иммиграции в Россию больше, чем ее противников. В числе последних – государственные структуры: Министерство внутренних дел, Федеральная миграционная служба, требующие усиления контроля за миграционными процессами [15]. Страны Западной Европы еще в начале 2000-х годов практиковали политику в отношении иммигрантов, состоящую в создании наименее благоприятных условий для них: сокращение социальных выплат и пособий, сужение круга признаваемых беженцами лиц, повышение доли отказов ищущим политического убежища [16]. В последнее время наплыв иммигрантов в Западную Европу породил массу социально-экономических проблем, вызвал множество межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Это сделало тему иммиграции еще более болезненной и дискуссионной. Тем не менее в рамках тематики внешних миграций для России, безусловно, необходимым является процесс репатриации. Репатриационный потенциал современной России сосредоточен прежде всего в государствах постсоветского пространства (так называемые «страны нового зарубежья»), где население знает русский язык. Кроме того, с Россией граждан этих государств связывает бывшая, присущая советскому государству, социокультурная общность. Однако, по мнению Л.Л. Рыбаковского, динамика миграционных потоков в 1990–2000 гг. указывает на постепенное снижение возможностей России привлекать русских и русскоговорящих мигрантов из бывших стран СССР [17].

В подобных условиях неупорядоченность и нерегулируемость внутренних миграций является дополнительным возмущающим фактором, негативно влияющим на экономические, социальные и демографические параметры страны и регионов. По мнению авторов обстоятельного и обширного труда «Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России...», «...существующие различия в социально-экономическом развитии

¹ Актуальные проблемы демографии, миграции и трудовых ресурсов: Круглый стол // *Человек и труд*. 2004. № 7. С. 54.

² Занятость: поиск решения новых проблем // *Человек и труд*. 2006. № 8. С. 39.

³ Занятость: поиск решения новых проблем // *Человек и труд*. 2006. № 8. С. 42.

регионов России определяют необходимость, кроме реализации общегосударственных мер, также разработки собственных региональных программ в данном направлении. А в наиболее кризисных по показателям воспроизводства населения субъектах РФ не обойтись без оптимизации иммиграционных потоков» [18].

Региональная демографическая ситуация может соответствовать среднероссийской по всем параметрам естественного, миграционного и социального движения населения, либо существенно по одному или нескольким параметрам отличаться от нее. Особенности демографии региона в основном обусловлены его экономической специализацией и внутрирегиональной социальной политикой. Демографические показатели, в свою очередь, прямо влияют на социально-экономическое благополучие территории: численность населения обеспечивает объемы производства валового регионального продукта и приемлемый уровень производительности труда, структура населения – определенный уровень экономической активности и степень демографической нагрузки на трудоспособное население, миграционная политика стимулирует конкуренцию на рынке труда и вызывает социальные изменения в обществе. В результате демографическая ситуация становится количественным фактором, вызывающим качественные сдвиги в системе занятости, что в свою очередь обуславливает структурные сдвиги на региональном рынке труда.

На рис. 1 хорошо прослеживается, что структура миграционного оборота России относительно стабильна во времени, но в последние годы наблюдается некоторое сокращение доли внутрирегионального оборота и увеличение доли оборота с другими странами, сальдо которого стабильно положительно. Совместная доля внутрирегиональной и межрегиональной миграции в общем объеме прибытий и убытий в период 1989–2003 гг. непрерывно росла и в 2003 г. составляла 93,9% [19]. Из рис. 1 видно, что в период 2005–2014 гг. наблюдалось некоторое снижение этой доли до уровней 82%–89%. Тем не менее это очень высокий показатель. Внутрирегиональные миграции имеют преимущественно центростремительный характер [20] и влияют на структуру расселения региона и его хозяйственную деятельность. Межрегиональные миграции воздействуют на структуру расселения и экономику всей страны. Доля межрегиональных миграций в общем объеме перемещений достаточно высока и на протяжении

длительного временного периода колеблется около относительной величины 40%.

Объемы межрегиональной миграции в России, начиная с 2010 г., непрерывно нарастают. Растут межрегиональные потоки как городского, так и сельского населения, что наглядно отражено на рис. 2.

Причины увеличения межрегионального миграционного оборота следует искать не только в изменении социально-экономических условий, но и в смене порядка статистического учета прибытий и убытий. Начиная с 2011 г., прибывшими считаются лица, регистрирующиеся по месту жительства на срок свыше девяти месяцев, выбывшими – по мере окончания срока регистрации. Очевидно, что подобная система регистрации относительно старой системы статистического учета увеличивает объемы миграционного оборота. Тем не менее объемы межрегиональных миграционных потоков продолжают увеличиваться и в 2011 г., и во все последующие годы, и причины этого необходимо искать в изменении условий проживания, в росте межрегиональной дифференциации по целому ряду социально-экономических параметров.

В данном исследовании мы ставили задачей изучить влияние отдельных социальных и экономических параметров территорий на их миграционный баланс. Зависимой величиной являлся коэффициент миграционного прироста *MB*, рассчитываемый на 10 000 человек населения, в качестве объясняющих переменных рассматривались следующие показатели:

- *APCI* – средний доход на душу населения;
- *SM* – величина прожиточного минимума;
- *PP* – отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму;
- *PWA* – доля населения в трудоспособном возрасте;
- *LEA* – уровень экономической активности;
- *UER* – уровень безработицы;
- *URBAN* – доля городского населения;
- *IFA* – инвестиции в основной капитал (на душу населения);
- *MINING* – доля добывающих производств в структуре ВРП;
- *MANUFACTURING* – доля обрабатывающих производств в структуре ВРП;

- *LE* – ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- *ALCO* – потребление водки и ликеро-водочных изделий (на душу населения);
- *MURDERS* – число убийств и покушений на убийство (на душу населения);
- *ROMAD* – соотношение разводов и браков;
- *AOR* – прибывшие из других регионов (в процентах от общего числа прибывших);
- *EOR* – выбывшие в другие регионы (в процентах от общего числа выбывших).

При отборе показателей мы опирались на собственный опыт и результаты эмпирических исследований других авторов. Источником данных явилась статистическая отчетность Росстата. В известной степени выбор показателей был ограничен отсутствием доступных статистических данных.

Размер выборки составляет 415 наблюдений – 83 субъекта РФ за период 2010–2014 гг. В выборку не вошли Республика Крым и г. Севастополь, которые стали субъектами РФ только в 2014 г. Ненецкий автономный округ рассматривался в виде отдельного наблюдения, данные по Архангельской области брались за вычетом данных Ненецкого автономного округа. Аналогично данные по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югра и по Ямало-Ненецкому автономному округу брались отдельно, а данные Тюменской области брались без учета автономных округов.

Анализ проводился на основе панельных данных. Несмотря на значительное число потенциальных предикторов, размер выборки достаточен для проведения оценки. Часть показателей коррелируют между собой, поэтому они включались в модель раздельно в различных сочетаниях. Влияние части потенциальных объясняющих переменных на результативный признак оказалось статистически незначимым. Так, показатель доли добывающих производств в структуре ВРП (*MINING*) и показатель доли обрабатывающих производств в структуре ВРП (*MANUFACTURING*) не вошли в итоговую модель. Незначимым оказалось и влияние показателей величины инвестиций в основной капитал (*IFA*), величины прожиточного минимума (*SM*), доли населения в трудоспособном возрасте (*PWA*) и показателя соотношения браков и разводов (*ROMAD*).

В процессе построения моделей использовались фиктивные переменные, обозначающие влияние отдельного года, и фиктивные переменные, обозначающие влияние каждого из восьми федеральных округов, показатели субъектов которого учитывались в модели. Влияние как первой из групп указанных фиктивных переменных, так и второй, оказалось статистически незначимым. Регрессионные модели представлены в рис. 3–6.

Выбор лучшей модели проводился на основе стандартной процедуры – по результатам тестов Вальда, Бройша-Пагана и Хаусмана, которые дали следующие результаты.

Тест Вальда⁴ (сравнение объединенной регрессии и регрессии с фиксированными эффектами). Значение *F*-критерия: $F(82,324) = 6,68$. Поскольку p -уровень $\ll 0,01$, то нулевая гипотеза отвергается. Следовательно, регрессионная модель с фиксированными эффектами лучше описывает данные, чем модель объединенной регрессии.

Тест Бройша-Пагана (сравнение объединенной регрессии и регрессии со случайными эффектами). Результаты теста Бройша-Пагана представлены на рис. 7.

В нашем случае значение критерия $\chi^2 = 138.61$ при уровне значимости $p = 0,0000 \ll 0,01$. Следовательно, модель со случайными эффектами лучше описывает данные, чем модель объединенной регрессии.

Тест Хаусмана (сравнение моделей со случайными эффектами и с фиксированными эффектами). Результаты теста Хаусмана приведены в рис. 8.

По результатам теста Хаусмана значение критерия $\chi^2 = 72,78$, уровень значимости $p = 0,0000 \ll 0,01$. Следовательно, нулевую гипотезу следует отвергнуть, *fixed*-модель лучше подходит для описания данных, чем *random*-модель.

Таким образом, результаты тестирования показали, что лучшей из построенных моделей является модель с фиксированными эффектами, которая выглядит следующим образом:

$$MB = -1239,413 + 1,032417 \cdot AOR - 2,195639 \cdot EOR + 9,422541 \cdot LE - 0,0042255 \cdot APCI + 22,41952 \cdot PP + 2,703696 \cdot LEA - 1,941406 \cdot ALCO + 7,193667 \cdot URBAN.$$

Полученное уравнение доказывает значимую роль внутренней миграции. Из него следует, что при увеличении доли прибывших из других регионов на 1% (в общем объеме прибывших) коэффициент

⁴ Результаты теста Вальда приведены в последней строке рисунка 5.

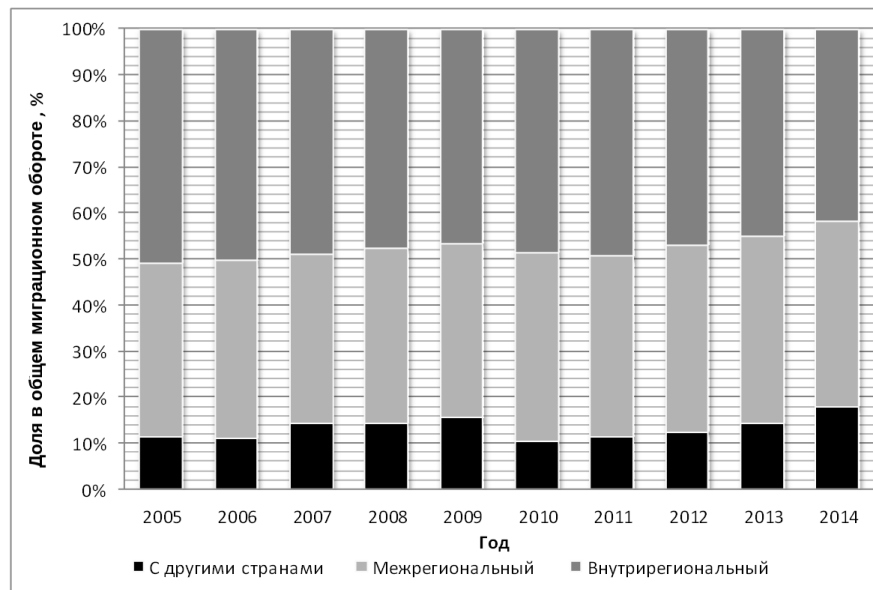
миграционного прироста возрастает на 1,032417%. Увеличение доли выбывающих в другие регионы России оказывает еще большее воздействие. Ее рост на 1% приводит к снижению коэффициента миграционного прироста на 2,195639%. Различие абсолютных значений коэффициентов при *AOR* и *EOR*, на наш взгляд, следует искать в положительном влиянии на коэффициент миграционного прироста положительного сальдо миграционного баланса России. Обозначенным в ряде исследований, а в настоящее время признанным фактором, ограничивающим миграционную активность, является недостаточная степень развития финансовых рынков и рынка жилья [21]. Возможно, именно этим объясняется снижение дифференциации между федеральными округами Российской Федерации (рис. 9). За период с 2005 по 2014 г. разброс в значениях показателя коэффициента миграционного прироста сократился, но количество принимающих мигрантов округов и количество «округов-доноров» осталось прежним. Поменялись ролями Уральский и Северо-Кавказский федеральные округа. В первом коэффициент миграционного прироста поднялся в положительную зону, во втором, напротив, опустился в отрицательную.

На наш взгляд, изменились причины межрегиональных миграций. Если в предыдущие годы миграции в значительной мере носили

трудоустройственный характер, то в настоящее время они связаны с переселением в благоприятные места долгосрочного проживания. Косвенным подтверждением этого является низкая статистическая значимость коэффициентов при показателе уровня безработицы и показателе инвестиций в основной капитал, хотя последний определяет хозяйственный потенциал региона и непосредственно воздействует на уровень занятости. По той же причине в модель не были включены показатели доли добывающих производств в структуре ВРП и доли обрабатывающих производств в структуре ВРП. Ранее именно «добывающие» и «обрабатывающие» регионы привлекали мигрантов.

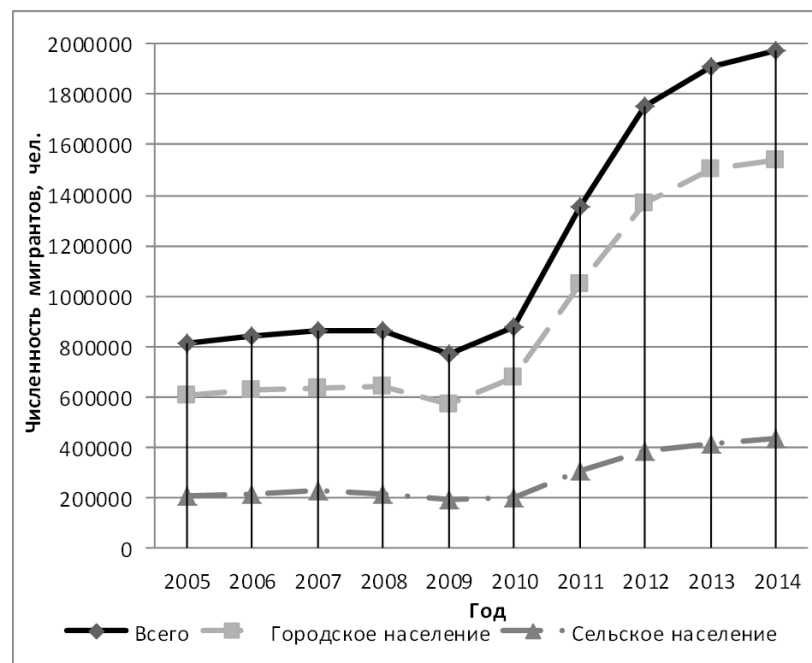
В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что межрегиональные перемещения по-прежнему оказывают значительное влияние на структуру расселения населения России и на хозяйственную деятельность регионов.

Закономерным выглядит положительное влияние на миграционное сальдо показателя соотношения доходов с прожиточным минимумом и показателей уровня экономической активности, ожидаемой продолжительности жизни и урбанизированности. Знак перед показателем уровня потребления крепких спиртных напитков, как и следовало ожидать, отрицателен.

Рисунок 1**Структура миграционного оборота России в 2005–2014 гг.****Figure 1****Structure of the migration turnover of Russia in 2005–2014**

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 2**Объемы межрегиональной внутрироссийской миграции в 2005–2014 гг.****Figure 2****Volumes of interregional migration in Russia in 2005–2014**

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 3**Модель объединенной регрессии****Figure 3****A pooled regression model**

F (8.4060) = 71.52; Prob > F = 0.0000; R-squared = 0.5849; Adj R-squared = 0.5767; Root MSE = 39.425						
MB	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
AOR	4.397727	0.2757622	15.95	0.000	3.855627	4.939827
EOR	-3.755977	0.2595516	-14.47	0.000	-4.26621	-3.245745
LE	2.455733	0.9845347	2.49	0.013	0.5203113	4.391155
APCI	-0.0026076	0.0003618	-7.21	0.000	-0.0033188	-0.0018964
PP	38.98567	4.751859	8.20	0.000	29.64435	48.32699
LEA	-0.726942	0.6919795	-1.05	0.294	-2.087252	0.633368
ALCO	1.258349	0.6868582	1.83	0.068	-0.0918937	2.608591
URBAN	0.2517328	0.1924728	1.31	0.192	-0.1266348	0.6301005
CONS	-209.7661	78.9785	-2.66	0.008	-365.0239	-54.5082

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 4**Модель отклонений от средних по времени значений переменных****Figure 4****A time-average variable deviation regression model**

F (8.74) = 26.92; Prob > F = 0.0000; R-squared: within = 0.0267; between = 0.7442; overall = 0.5743; sd (u_i + avg (e_i)) = 2932229						
MB	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
AOR	4.959894	0.5008466	9.90	0.000	3.961935	5.957853
EOR	-3.93891	0.48624	-8.10	0.000	-4.907764	-2.970056
LE	1.567889	1.746015	0.90	0.372	-1.911122	5.0469
APCI	-0.0033011	0.0008443	-3.91	0.000	-0.0049835	-0.0016187
PP	47.92553	10.13086	4.73	0.000	27.73936	68.11171
LEA	-1.597786	1.276787	-1.25	0.215	-4.141839	0.946267
ALCO	2.729744	1.413771	1.93	0.057	-0.0872566	5.546745
URBAN	0.0220208	0.3409488	0.06	0.949	-0.6573346	0.7013761
CONS	-111.8436	140.8041	-0.79	0.430	-392.4019	168.7147

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 5**Модель регрессии с фиксированными эффектами****Figure 5****A deterministic effect regression model**

F (8.324) = 17.25; Prob > F = 0.0000; R-squared: within = 0.1518; between = 0.1661; overall = 0.1478; corr (u _i , Xb) = -0.8087						
MB	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
AOR	1.032417	0.504526	2.05	0.042	0.0398567	2.024977
EOR	-2.195639	0.4845525	-4.53	0.000	-3.148905	-1.242379
LE	9.422541	2.915906	3.23	0.001	3.686042	15.15904
APCI	-0.0042255	0.000873	-4.84	0.000	-0.0059429	-0.0025081
PP	22.41952	8.049303	2.79	0.006	6.584024	38.25502
LEA	2.703696	1.191278	2.27	0.024	0.3600797	0.946267
ALCO	-1.941406	1.216565	-1.60	0.112	-0.0872566	5.047312
URBAN	7.193667	2.65706	2.71	0.007	1.966399	12.42093
CONS	-1239.413	249.9973	-4.96	0.000	-1731.236	-747.5906
sigma _u = 86.478959; sigma _e = 26.901229; rho = 0.91177142						
F-test that all u _i = 0: F (82.324) = 6.68; Prob > F = 0.0000						

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 6**Модель регрессии со случайными эффектами****Figure 6****A random effect regression model**

Wald chi2 (8) = 183.57; Prob > chi2 = 0.0000; R-squared: within = 0.0756; between = 0.6664; overall = 0.5495; corr (u _i , X) = 0						
MB	Coef.	Std. Err.	z	P> z	[95% Conf. Interval]	
AOR	3.039618	0.3700425	8.21	0.000	2.314348	3.764888
EOR	-3.008516	0.3478616	-8.65	0.000	-3.690312	-2.32672
LE	4.2211932	1.425701	2.94	0.003	1.408009	7.035854
APCI	-0.0024902	0.0004248	-5.86	0.000	-0.0033229	-0.0016576
PP	30.22298	5.81948	5.19	0.000	18.817	41.62895
LEA	1.207313	0.8992632	1.34	0.179	-0.5552104	2.969837
ALCO	-0.0787562	0.8594373	-0.09	0.927	-1.763222	1.60571
URBAN	0.652913	0.3158312	2.07	0.039	0.0338952	1.271931
CONS	-438.674	112.371	-3.90	0.000	-658.917	-218.431
sigma _u = 26.740628; sigma _e = 26.901229; rho = 0.49700608						

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

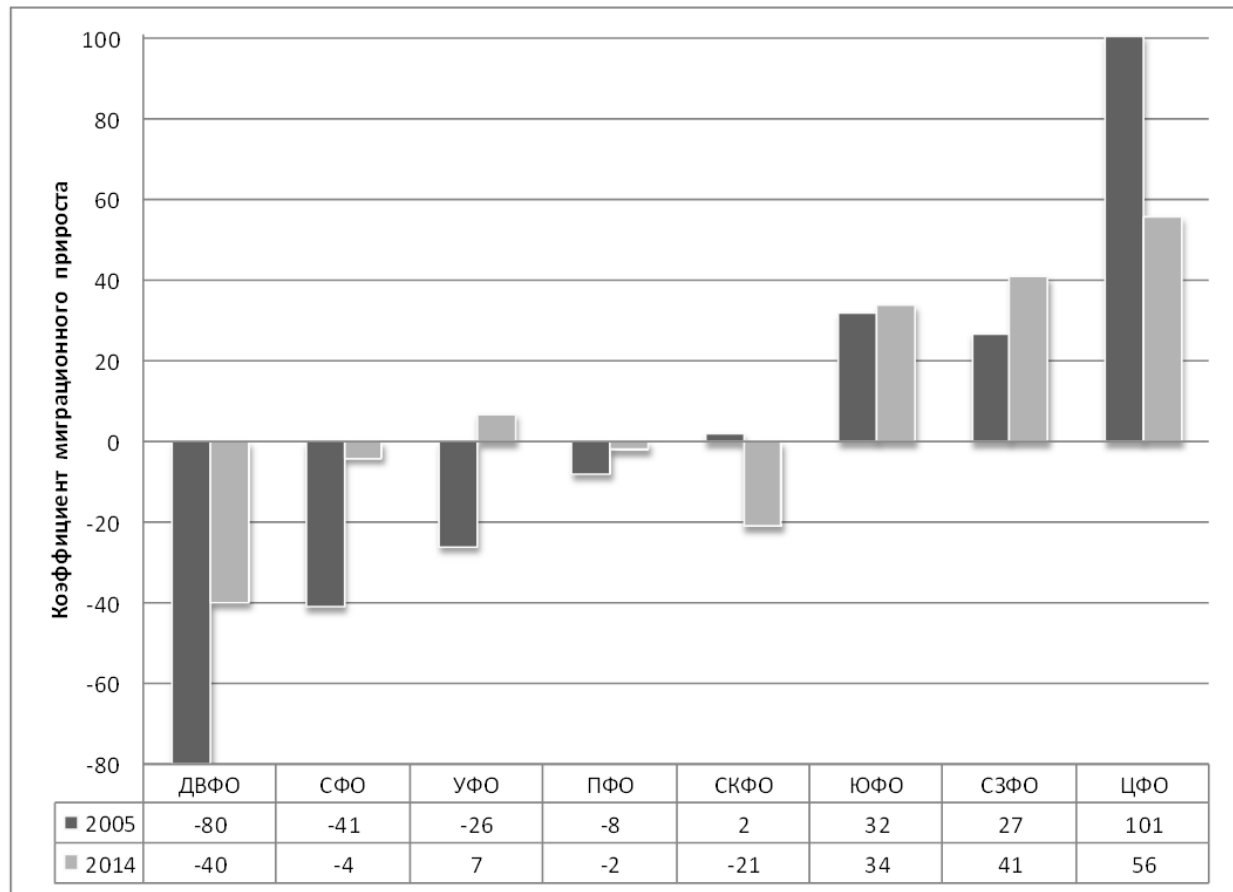
Рисунок 7**Результаты теста Бройша-Пагана****Figure 7****Breusch-Pagan test results**

Breush and Pagan Lagrangian multiplier test for random effects		
MB (f, t) = Xb + u (f) + e (f, t)		
	Var	Sd = sqrt (Var)
MB	3672.219	60.59883
e	723.6761	26.90123
u	715.0612	26.74063
Test: Var (u) = 0	chibar2 (01) = 138.61 Prob > chibar2 = 0.0000	

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring**Рисунок 8****Результаты теста Хаусмана****Figure 8****Hausman specification test results**

Variable	(b) Fixed	(B) Random	(b - B) Difference	sqrt (diag (V_b - V_B)) S.E.
AOR	1.032417	3.039618	-2.007201	0.3429504
EOR	-2.195639	-3.008516	0.8128772	0.337318

Источник: авторская разработка*Source:* Authoring

Рисунок 9**Коэффициенты миграционного прироста федеральных округов в 2005 и 2014 гг.****Figure 9****Migration growth rates in the RF Federal Districts in 2005 and 2014***Источник: авторская разработка**Source: Authoring*

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Демографические отношения и общество // Вопросы философии. 1981. № 4. С. 73–74.
2. Киселева Г.П. Эффективная демографическая политика (социально-психологический аспект) / Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М.: Наука, 1987. С. 36.
3. Рыбаковский Л.Л. Понятие, сущность и специфика факторов демографических процессов / Вопросы воспроизводства населения и демографической политики. М.: Наука, 1987. С. 7.
4. Смирнова И. Регулирование доходов населения как элемент социальной политики // Экономист. 1994. № 1. С. 62–70.
5. Смирнова Т.Л. Демографическая ситуация как фактор развития рынка рабочей силы // Проблемы современной экономики. 2009. № 3. С. 98–103.
6. Чечулин В.Л., Смыслов В.И. Модели социально-экономической ситуации в России 1990–2010 годов и сценарные прогнозы до 2100 года: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. С. 40–71.
7. Каюков В.В., Мельчакова Ю.Л. Взаимосвязь демографических процессов с состоянием экономики // Экономика, управление, финансы: материалы III международной научной конференции. Пермь: Меркурий, 2014. С. 177–180.
8. Цапенко И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран: монография // М.: ИМЭМО, Academia, 2009. 384 с.
9. Вострецова Л.Г., Гнездилов Е.А. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие дальневосточных регионов // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-2. С. 383–387.
10. Моисеенко В.М. Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 47–56.
11. Романова Н.А. Детерминанты внутренней миграции населения в современной России // Молодой ученый. 2011. Т. 1. № 3. С. 190–196.
12. Кованова Е.С. Кластерный анализ в решении задачи типологии регионов России по уровню и интенсивности внутренней трудовой миграции // Вестник НГУЭУ. 2013. № 4. С. 166–175.
13. Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Единак Е.А. Анализ взаимосвязи внутренней миграции и социально-экономической дифференциации регионов (на примере Центрального федерального округа) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. № 11. С. 71–94.
14. Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф. Трудовая миграция женщин из России: выезд, трудоустройство и защита прав. М.: Наука, 2008. С. 8.
15. Переведенцев В.И. Миграция в ритме времени: Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 60–64.
16. Рязанцев С.В. Опыт и проблемы регулирования миграционных потоков в странах Западной Европы. М.: ИСПИ РАН, 2001. С. 15.
17. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию / Демография (статьи XXI века). М.: Экон-Информ, 2009. С. 189–190.
18. Черешнев В.А., Татаркин А.И. Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России / Близкая и такая неразгаданная экономика; т. III. С. 892. Российская академия наук, Уральское отделение. М.: Экономика, 2015. 1039 с.

19. *Карачурина Л.Б.* Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 3. С. 96.
20. *Чернышев К.А.* Образование как фактор миграционной подвижности: опыт оценки и принятия управленческих решений на региональном уровне // *Вопросы управления*. 2014. № 6(31).
21. *Андриенко Ю.В., Гуриев С.М.* Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе: серия «Аналитические разработки и отчеты». 2006. № 23. С. 32.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**THE MIGRATION ATTRACTIVENESS OF RUSSIAN REGIONS:
ECONOMIC, SOCIAL, AND DEMOGRAPHIC FACTORS****Vladimir A. SHABASHEV^{a,*}, Sergei I. SHOROKHOV^b, Marina F. VERKHOZINA^c, Anna N. CHELOMBITKO^d**^a Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
bash_kemsu@mail.ru^b Novokuznetsk Institute, Branch of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation
shsi@yandex.ru^c Novokuznetsk Institute, Branch of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation
verkhovina@gmail.com^d Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
achelombitko@inbox.ru

* Corresponding author

Article history:Received 1 June 2016
Received in revised form
20 June 2016
Accepted 6 July 2016
Available online
15 February 2017**JEL classification:** C51, F22,
J11, J61**Keywords:** migration,
socio-economic,
demographic, parameters**Abstract****Subject** The article considers the dependence of the migratory balance on economic, social and demographic parameters of regions and their impact on the migratory population growth.**Objectives** The article aims to determine the influence of socio-economic and demographic parameters on the migration growth coefficients.**Methods** For the study, we used the methods of correlation and regression analyses. For evaluation, four models were used: pooled regression models, time-average variable deviation models, deterministic effect models, and random effect models. According to the Wald, Breusch-Pagan, and Hausman specification test results, the best model has been selected.**Results** We derived and now present a linear regression equation, reflecting the influence of eight socio-economic and demographic factors on migration growth rate in the region.**Conclusions and Relevance** Economic, social, and demographic factors do impact on the migration attractiveness of regions. The causes of inter-regional migrations, previously being of employment nature, in recent years, get more associated with resettlement in favorable locations for long-term residence. The results of the study can be used by regional authorities in designing measures of socio-economic and demographic policies. The resulting model can be supplemented in subsequent research with other economic, social, and demographic variables.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Vishnevskii A.G. [Demographic relations and the society]. *Voprosy Filosofii*, 1981, no. 4, pp. 73–74. (In Russ.)
2. Kiseleva G.P. *Effektivnaya demograficheskaya politika (sotsial'no-psikhologicheskii aspekt)*. V kn.: *Voprosy vosпроизводства naseleniya i demograficheskoi politiki* [The effective population policy: a social and psychological aspect. In: Reproduction and population policies issues]. Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 36.
3. Rybakovskii L.L. *Ponyatie, suschnost' i spetsifika faktorov demograficheskikh protsessov*. V kn.: *Voprosy vosпроизводства naseleniya i demograficheskoi politiki* [The concept, essence, and specificity of factors of demographic processes. In: Reproduction and population policies issues]. Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 7.
4. Smirnova I. [Regulation of incomes of the population as an element of social policy]. *Ekonomist = Economist*, 1994, no. 1, pp. 62–70. (In Russ.)
5. Smirnova T.L. [Demographic situation as a factor of development of the labor market]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2009, no. 3, pp. 98–103. (In Russ.)
6. Chechulin V.L., Smyslov V.I. *Modeli sotsial'no-ekonomicheskoi situatsii v Rossii 1990–2010 godov i stsennarnye prognozy do 2100 goda: monografiya* [Models of socio-economic situation in Russia in 1990–2010 and the scenario forecast up to 2100: a monograph]. Perm, Perm State National Research University Publ., 2013, 194 p.

7. Kayukov V.V., Mel'chakova Yu.L. [The relationship of demographic processes with the state of the economy]. *Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy III mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Proc. 3rd Int. Sci. Conf. Economics, Management, Finance]. Perm, Merkurii Publ., 2014, pp. 177–180.
8. Tsapenko I.P. *Upravlenie migratsiei: opyt razvitykh stran: monografiya* [Migration management: The experience of developed countries: a monograph]. Moscow, Academia Publ., 2009, 384 p.
9. Vostretsova L.G., Gnezdilov E.A. [The impact of migration on the socio-economic development of the Far Eastern regions]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2014, no. 11-2, pp. 383–387. (In Russ.)
10. Moiseenko V.M. [Reducing the population internal migration in Russia: experience in assessing the dynamics according to the current accounting]. *Voprosy Statistiki*, 2004, no. 7, pp. 47–56. (In Russ.)
11. Romanova N.A. [The determinants of internal migration in modern Russia]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2011, vol. 1, no. 3, pp. 190–196. (In Russ.)
12. Kovanova E.S. [A cluster analysis in considering the typology of Russian regions by level and intensity of internal labor migration]. *Vestnik NGUEU = Bulletin NSUEM*, 2013, no. 4, pp. 166–175. (In Russ.)
13. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Edinak E.A. [An analysis of the relationship of internal migration and socio-economic differentiation of regions: a case study of the Central Federal District]. *Nauchnye trudi Instituta narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Papers of Institute of Economic Forecasting of RAS*, 2013, no. 11, pp. 71–94. (In Russ.)
14. Ryazantsev S.V., Tkachenko M.F. *Trudovaya migratsiya zhenshchin iz Rossii: vyezd, trudoustroistvo i zashchita prava* [Labor migration of women from Russia: departure, employment, and protection of rights]. Moscow, Nauka Publ., 2008, p. 8.
15. Perevedentsev V.I. *Migratsiya v ritme vremeni: Sbornik statei* [Migration in beat of time: A collection of articles]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2010, pp. 60–64.
16. Ryazantsev S.V. *Opyt i problemy regulirovaniya migratsionnykh potokov v stranakh Zapadnoi Evropy* [Experience and problems of regulation of migration flows in Western Europe]. Moscow, ISPR RAS Publ., 2001, p. 15.
17. Rybakovskii L.L. *Migratsionnyi potentsial stran novogo zarubezh'ya i usloviya ego privilecheniya v Rossiiyu. Demografiya (stat'i XXI veka)* [Migration potential of new foreign countries and the conditions of its involvement in Russia. Demography (Articles of the 21st century)]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2009, pp. 189–190.
18. Chereshev V.A., Tatarkin A.I. *Sotsial'no-ekonomicheskii potentsial kak osnova postupatel'nogo razvitiya postperestroichnoi Rossii* [Socio-economic potential as a basis for the progressive development of post-perestroika Russia]. Moscow, UrB RAS, Ekonomika Publ., 2015, 1039 p.
19. Karachurina L.B. [Inter-regional migration and socio-economic differentiation of the space of modern Russia]. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*, 2006, no. 3, p. 96. (In Russ.)
20. Chernyshev K.A. [Education as a factor of migration mobility: the experience of assessment and management decisions at the regional level]. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2014, no. 6(31). (In Russ.)
21. Andrienko Yu.V., Guriev S.M. [An analysis of migration in Russia]. *Tsentr ekonomicheskikh i finansovykh issledovaniy i razrabotok v Rossiiskoi ekonomicheskoi shkole: Seriya Analiticheskie razrabotki i otchety*, 2006, no. 23, p. 32. (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

We, the authors of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.